

Tonkiyh S.V.

Municipal department of the PCIA – successor and manager private housing real estate in cities Ukraine.

Prominent arguments for Soviet power in Ukraine in 1919 prompted the immediate introduction of the law on the abolition of private property in Ukraine, became the decree on the abolition of private property in Russia on urban real estate accepted by the Council of People's Commissars on November, 23, 1917. And incredibly difficult situation with the shortage of space for housing and for a huge number of various government agencies in the cities of Ukrainian Soviet Socialist Republic.

A series of preparatory works, namely: 1) from February 1, 1919 which were suspended all transactions for the sale, purchase, deposit, etc. all the real estate and land in cities and counties, 2) travel ban furniture without permission each time it Board, 3) creation of a body of house committees which, apart from their direct responsibilities: the association of citizens living in a joint estate (or a group united estates) for direct participation in the supply and distribution of products between the two essentials, fuel preparation, in the case of security, the organization of delivery of correspondence, health improvement and maintenance of houses and estates, regulation of housing-housing problem, the field should help the introduction of the law, and 3) the PCIA executive committee was asked to immediately across departments in the executive committee of public utilities to carry out preparatory work necessary for the successful and smooth effect to the municipalization (generalization) property begins implementing the law.

29 June 1919. Central Executive Committee issued a decree on the abolition of private ownership of real estate in the cities. Abolished private ownership of land, without exception, both built-up and non-built, owned by private individuals and industries, as well as organizations and institutions that are within the urban settlements. In urban areas with a population of more than 15,000 people canceled the right of private ownership of all facilities that have value or profitability over the limit established authorities. All urban land and buildings that meet this Decree, shall be removed from private property, and transferred to local authorities. The former owners of real estate equalized in all respects with the other tenants and have them on equal terms to make house rent for the premises occupied by them. This decree allowed local authorities with the permission of the PCIA to be subject to this decree as a settlement with less than 15,000 residents, and others ...

With the release of the decree on the abolition of private ownership of real estate in the cities it happened that on the account, requisition and distribution of residential and non-residential premises in the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Some of the items regulated by this provision as follows: every worker within the USSR should be provided with a room for housing. The supreme body in charge of housing and housing question is given, requisition and distribution of all residential and non-residential premises in the USSR is the People's Commissariat of Internal Affairs in the face of a municipal department. The bodies in charge of provinces, counties and cities housing-housing question are the department of municipal services at provincial, district and city executive committees ...

Thus, from the above material shows that the abolition of private property have prompted a number of factors that have an ideological and practical-economic in nature. Municipal Department of the PCIA of the USSR became a follower of a certain private property for urban residents, who replaced the ability of people to use the shelter fully for their own purposes and at its discretion, to order and rules of tenure which all citizens, without exception, should be followed. Thus the authorities on the one hand took away people's right to privacy, untouched, was destroyed by an inner sense of security within its walls, "My house is my castle," but in doing so managed to solve the problematic issue with the lack of housing.

Keywords: Ordinance, property, private property, the PCIA, municipal departments, housing committees, municipalization, Executive.

УДК 321.6:330(47+57)"19"

Е.В. ПАКЛИНА

**РОЛЬ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА В РОЗВИТТІ ЕКОНОМІКИ ССРС
В 1930-Х – 1940-Х ГГ.**

Пенитенциарная система, которая в СССР начала оформляться в начале 1920-х гг. в виде исправительно-трудовых лагерей, со временем превратилась в мощный лагерно-промышленный комплекс, который играл ведущую роль в экономической жизни страны. Поэтому ГУЛАГ необходимо рассматривать как многогранный социально-экономический объект, а не только как инструмент осуществления карательной политики.

Основные нормативно-правовые принципы производственной деятельности лагерей ГУЛАГа были заложены в 1920-х – 1930-х гг. С начала 1930-х гг. труд заключенных стал одним из ведущих факторов развития советской экономики. Главным заданием экономической деятельности лагерей ГУЛАГа стало освоение отдаленных регионов страны.

Перечислить все, что производил ГУЛАГ практически невозможно. До 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых главными были цветная металлургия (32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозаготовка (16,3%) и топливная промышленность (4,5%). Кроме промышленного производства, важным элементом лагерной экономики было капитальное строительство.

В целом, превращение НКВД в одно из самых эффективных хозяйственных ведомств и активное использование труда заключенных в СССР в 1930-х-1940-х гг. можно рассматривать как одну из черт сталинско-советской социально-экономической модели.

Целью публикации является освещение вопроса о роли труда заключенных в развитии советской экономики в 1930-х-1940-х гг. На основе объективного анализа исторических источников и литературы в статье анализируются институциональные основы организации системы принудительного труда в СССР. Установлено, что в 1930-х – 1940-х гг. структуры НКВД и ГУЛАГа превратились в одно из самых эффективных хозяйственных ведомств.

Ключевые слова: лагерь, лагерный пункт, принудительный труд, лагерно-промышленный комплекс.

Вопрос зарождения и развития советской карательной системы долгое время оставался закрытым как для историков, так и для обычных людей. Начало исследований по данной теме и возможность открыто заговорить о ней относятся к 1989 году, когда был выдан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х – 40-х и начала 50-х годов». Указ еще не называл репрессии политическими и ограничивал их период сталинским десятилетием, но, тем не менее, он был воспринят обществом как сигнал: тема репрессий и лагерей вышла из-под запрета. Летом того же года было принято решение про снятие запрета на издание работы А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

С разных позиций эту тему рассматривали в своих работах Г. Иванова, А. Хлевнюк, И. Осокин, В. Земсков, Б. Яковлев. Большинство историков акцентируют внимание на исследовании политической основы организации системы принудительного труда в СССР и изучении механизма функционирования советской карательной системы, экономического фактора в ее деятельности. Отдельную группу составляют работы, посвященные вопросам развития карательных учреждений отдельных регионов СССР.

Относительная новизна этой темы и еще не полное ее раскрытие отечественными историками обуславливает решение следующих задач: определить политические причины возникновения системы лагерей принудительного труда в СССР, изучить нормативно-правовую базу организации принудительной работы заключенных, охарактеризовать роль советской карательной системы в развитии экономики страны.

Карательная система, которая в СССР начала оформляться в начале 1920-х годов в виде исправительно-трудовых лагерей, со временем превратилась в мощный лагерно-промышленный комплекс, который играл ведущую роль в экономической и политической жизни страны. Поэтому ГУЛАГ необходимо рассматривать как многогранный социально-экономический объект, а не только лишь как инструмент осуществления карательной политики.

Система исправительных учреждений, которая исполняла задания изоляции, наказания и перевоспитания преступников, выступала в качестве одного из наиболее важных социальных институтов и была продуктом длительного исторического развития.

Историками уже давно установлена взаимосвязь между различными системами наказания и системами производства, в рамках которых они действуют. В России проблема организации труда заключенных возникает в конце XIX – в начале XX века. Еще при существовании царского режима возникал вопрос организации труда тюремных заключенных на стройках в Сибири.

По свидетельствам М. Фуко, понятие «принудительный труд» впервые вводит в политико-правовой лексикон Рабо Сэнт-Этьен, политический деятель времен Французской революции, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, который рассматривал его как антоним понятия «свободный труд», которых характерен только для свободных людей [15, с. 98]. В первые годы существования советской власти принудительный труд рассматривался, главным образом, как карательная категория, и в меньшей степени как экономическая.

Первый нормативный акт, который регламентировал процесс организации труда заключенных в местах заключения, появился 24 января 1918 г. Согласно с постановлением

Наркомата юстиции «О тюремных рабочих командах» при тюрьмах создавались «рабочие команды для производства необходимых государству работ, не превышающих по тяжести работы чернорабочего» [13, с. 242]. Временная инструкция «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» от 23 июня 1918 г. впервые установила обязательность работы в местах лишения свободы [13, с. 259]. Последующие циркуляры центрального карательного отдела Народного Комиссариата юстиции предполагали создание специальных мастерских для заключенных, а также организацию работ вне тюрьмы.

Необходимость использования труда заключенных теоретически обосновал Ф.Э. Дзержинский. На одном из заседаний ВЦИК 17 декабря 1919 г. он выразил свой взгляд на проблему следующим образом: «Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно, концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом предлагается создать школу труда ...» [2, с. 150].

Основные нормативно-правовые принципы производственной деятельности лагерей ГУЛАГа были заложены в 1920-х – в начале 1930-х годов. Принцип исправительно-воспитательной направленности труда в местах лишения свободы был закреплен в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР от 1 августа 1933 г. [10]. Однако, в дальнейшем нормы ИТК 1933 г. не нашли применения на практике, а деятельность исправительно-воспитательных учреждений регламентировалась в основном ведомственными нормативными актами.

Одним из таких актов, который определил основные направления сталинской модели организации и использования труда заключенных, стала «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», которая была объявлена указом НКВД СССР от 2 августа 1939 г. № 00889 [3].

В разделе, который прописывал правила организации лагерей и лагерных пунктов, было указано, что они должны располагаться рядом с объектом работ. То есть вопрос экономический и производственный был первичным, и лагеря организовывали там, где в большом количестве необходима была бесплатная рабочая сила для проведения тяжелых работ.

С начала 1930-х гг. труд заключенных стал одним из важных факторов развития советской экономики. Правительство поручило ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое управление) расширить существующую сеть лагерей, организовав новые в Сибири, на Севере, Дальнем Востоке, в Средней Азии и других отдаленных регионах Советского Союза в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы [1, с. 127]. Нарком юстиции Н.М. Янсон считал, что «с точки зрения хозяйственной, лагеря должны стать пионерами заселения новых районов путем применения дешевого труда заключенных. Поэтому вопросы технического оборудования – второстепенны; задача лагерей – прочистить путь к малонаселенным районам путем устройства дорог, изучения местностей, приступа к эксплуатации природных богатств. Если эти места окажутся интересными в смысле эксплуатации, они будут переданы органам промышленности, а лагеря надо будет передвигать на новые места с теми же целями пионерства» [11, с. 87].

В 1929-1930 гг. на территории СССР была создана сеть концентрационных лагерей, которые уже были переименованы в исправительно-трудовые, многие из которых уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую специализацию – лесозаготовительные, сельскохозяйственные, нефте- и газодобывающие, горно-металлургические, строительные и др.

Сегодня трудно сказать, знал ли кто-нибудь в Советском Союзе, что 28 июня 1930 г. в Женеве Международная организация труда приняла конвенцию относительно

принудительного и обязательного труда. В ней главным заданием провозглашалось «отменить применение принудительного труда во всех его формах в наикротчайшие сроки» [9, с. 59], а родина социализма в то же время создала невиданную до того систему эксплуатации труда своих людей.

В новом исправительно-трудовом кодексе РСФСР, который был принят в 1933 г., был окончательно закреплён принцип обязательности труда заключённых. Согласно 4-й статье, «провозглашенная Конституцией РСФСР обязанность общест-венно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лишённых свободы, способных к труду» [10, с. 75]. Там же законодательно был закреплён принцип, согласно с которым труд заключённых был оплачиваемым: «За все работы производственного значения, а также работы по обслуживанию мест заключения, лишённые свободы получают денежное вознаграждение» [10, с. 75]. Однако, на деле этот принцип не был реализован в полной мере.

За годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерных комплексов и колоний, которые органично вписались в систему экстенсивного советского хозяйства, основанного на директивности, внеэкономических средствах принуждения и уравнивания. Отсутствие развитых средств производства и экономических стимулов делали труд на свободе, так и в заключении одинаково малоэффективным.

Первенцем лагерной экономики стал Беломорско-Балтийский канал, строительство которого проводилось впервые исключительно силами заключённых БелБалтЛага в течение 1931-1934 гг. Это строительство, как и все последующие началось без технического проекта, когда ещё не были завершены топографические и геологические работы, в осенний период в условиях полного отсутствия дорог, механизмов, автотранспорта, жилья и продовольствия.

Документы свидетельствуют, что большое количество лагерников умерли, проработав на строительстве канала всего два-три месяца [7, с. 9]. Но это трудоёмкое масштабное строительство длилось всего 1 год и 9 месяцев. Срочность (чаще всего ничем не обусловленная, искусственно поддерживаемая пропагандой) – ещё одна характерная черта лагерного строительства.

Гидротехнические сооружения были преимуществом лагерной экономики и строительства. После Беломорско-Балтийского были сооружены каналы Москва-Волга, Волжско-Донской, Главны Туркменский, Волга-Урал и др. И все это наполовину вручную, часто без особой хозяйственно нужды, не задумываясь про потери и последствия, для демонстрации советского величия и могущества.

В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми средствами насаживала в лагерной среде идею строительства как совершения великого дела советского народа. Девизом лагерных газет стал постулат «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Звучали лозунги следующего содержания: «Лагерники! На 150 процентов завершим земляные работы!»; «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок!»; «Каждый лагерник может и должен быть перекован!»; «Ударникам – лучшее питание!» [5, с. 203].

Лагерная экономика росла из года в год. Силами заключённых возводились не только каналы, дороги и гребли, но и целые города – Норильск, Магадан, Братск, Салехард, Воркута и десятки других. Это была практическая реализация идеи освоения и заселения северных районов страны, и флагманами исполнения этой программы стали заключённые ГУЛАГа.

Хозяйственная деятельность НКВД СССР заметно активизируется с 1938 г. С конца 1930-х гг. лагерная экономика набирает планомерный, широкомасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. В этот период резко возрастает численность заключённых и заметно увеличиваются сроки наказания. Если в 1936 г. в СССР было 13 крупных лагерно-промышленных комплексов с объемом строительных работ на сумму 1,2 млрд. руб., то весной 1938 г. их количество возросло до 33, а объем капитального строительства возрастает до 2,6 млрд. руб. Только за зиму 1937/38 гг. НКВД организовал 13 новых лагерей, преимущественно лесного профиля [6, с. 5]. ГУЛАГ превращается, по

словам его сотрудников, в «огромный комбинат», который строил, выпускал, выращивал, конструировал и др.

Расширение сферы экономической деятельности НКВД СССР в значительной степени было связано с тем, что в его ведение переходили строительства и предприятия, которые подчинялись ранее другим, преимущественно гражданским, ведомствам.

Валовый объем промышленной продукции, которая выпускалась ГУЛАГом, рос быстрыми темпами: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд. руб., в 1939 г. – на 2,5 млрд. руб., в 1940 – на 3,7 млрд. руб. [6, с. 7]. Накануне войны объем выпуска некоторых видов продукции, которая выпускалась промышленными предприятиями НКВД, в общем объеме народного хозяйства страны составлял: никеля – 46,5%, олова – 76%, кобальта – 40%, золота – 60%, лесоматериалов – 25,3% [6, с. 8]. Можно сказать, что с конца 30-х гг. предприятия ГУЛАГа уже стали основой всей хозяйственной и производственной жизни СССР, валовая часть выпущенной продукции в сумме составляла около половины от всего объема производства.

Лесозаготовочные работы ГУЛАГа составляли 50% от общего производства Наркомлеспрома. Традиционными для лагерной экономики были цементные заводы, которых в системе НКВД насчитывалось около 83 [6, с. 8]. В колониях ГУЛАГа в большом объеме выпускали также товары широкого потребления: обувь, трикотаж, алюминиевую посуду, мебель и др. Необходимо отметить, что с каждым годом планы объема выпущенной продукции для предприятий ГУЛАГа возрастали, что было характерным для всей советской экономики.

Перечислить все, что производил ГУЛАГ практически сложно. До 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых главными были цветная металлургия (ее доля составляла 32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозаготовка (16,3%) и топливная промышленность (4,5%) [6, с. 8]. Наряду с промышленным производством важным элементом лагерной экономики было капитальное строительство.

Подчеркивая важность экономической составляющей в деятельности советских лагерей, необходимо сказать про практику «передачи» строительства стратегически важных объектов из-под юрисдикции промышленных и экономических министерств в ведение НКВД, а в 50-е гг. – Министерства внутренних дел СССР [8, с. 367]. Про первичность экономических задач карательной системы говорит тот факт, что большинство распоряжений, которые касались организации жизни и труда заключенных, выходили из категории экономической выгоды. Так, например, в лагерях, которые находились в 30-х гг. в ведении НКВД, была запрещена практика условно-досрочного освобождения заключенных из-за того, что заключенные именно этой категории лагерей были заняты на тяжелых строительных работах [14].

Система принудительного труда выполняла несколько функций, реализация которых была бы невозможна при использовании «обычных» методов принуждения и стимулирования трудовой деятельности. Во-первых, она обеспечивала развитие тех отдаленных регионов, применение к которым труда вольнонаемных рабочих требовало бы огромных затрат. Во-вторых, она поставляла мобильную рабочую силу, которую можно было легко «перекинуть» с объекта на объект при необходимости. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений, до полного изнеможения. В-четвертых, существование большого количества заключенных и других «спецконтингентов» снижало давление на ограниченный потребительский рынок, облегчало решение острых социальных проблем (например, жилищной) и др.

В целом трансформация НКВД в одно из наиболее крупных хозяйственных ведомств и активное использование принудительного труда заключенных в СССР в 1930-х гг. и в дальнейшем, можно рассматривать как одну из черт сталинско-советской социально-экономической модели. Характер и масштабы экономической эксплуатации заключенных колоний и лагерей свидетельствуют про хозяйственный волюнтаризм, который возможен только при наличии в руках государства значительного объема «дешевой» и постоянно

возобновляемой рабочей силы. Развитие хозяйства экстенсивными методами приводило к разрушению и тормозу экономического и социального развития СССР.

1. *Ахмадеев Ф.Х.* Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений / Ф.Х. Ахмадеев. – Уфа, 1993. – 214 с.
2. *Дзержинский Ф.Э.* Избранные статьи и речи. 1908—1926. — М.: Госполитиздат, 1947. — 390 с.
3. Временная инструкция о режиме содержания в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР: наказ заместника начальника ГУЛАГа НКВС РСФСР № 00889 від 2 серпня 1939 р. // Россия XX век: документы. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917-1960. (сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров). – М.: МФД, 2000. – С. 455-477.
4. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — М., 2000. – 888 с.
5. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / под ред. Л. И. Бродкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка – М. 2008. – 320 с.
6. *Земсков В.Н.* Архипелаг ГУЛАГ глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. – 1989. – № 4. – С. 6-7.
7. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 7-9.
8. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. – М.:РОССПЭН, 2004. – 624 с.
9. *Люттов Н.Л., Морозов П.Е.* Международное трудовое право / Н.Л. Люттов, П.Е. Морозов – М.: Проспект, 2011. – 216 с.
10. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦВК та РНК РСФСР від 1 серпня 1933 р. // Россия XX век: документы. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917-1960. (сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров). – М.:МФД, 2000. – С. 73-93.
11. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив – 1997. – № 4. – С. 142-156.
12. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 – 1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Сборник декретов 1917-1918 гг. – М.: Госиздат, 1920. – 412 с.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» / История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание сочинений в 7 томах. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания // Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева, сост. И.В. Безбородова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 541 с.
15. *Фуко Мишель.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко – М., 1999. – 510 с.

References

1. *Ahmadeev F.H.* Stanovlenie i razvitie organov sovetskoy militsii i ispravitelno-trudovyih uchrezhdeniy / F.H. Ahmadeev – Ufa, 1993. – 214 s.
2. *Dzerzhinskiy F.E.* Izbrannyye stati i rechi. 1908—1926. — M.: Gospolitizdat, 1947. — 390 s.
3. Vremennaya instruktsiya o rezhime sodержaniya v ispravitelno-trudovyih lageryah NKVD SSSR: nakaz zamisl'nika nachalnika GULAGu NKVS SRSR № 00889 vid 2 serpnnya 1939 r. // Rossiya HH vek: dokumentyi. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey) 1917-1960. (sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov). – M.:MFD, 2000. – S. 455-477.
4. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1917–1960. Sost. A. I. Kokurin, N. V. Petrov. — M., 2000. – 888 s.
5. GULAG: ekonomika prinuditelnogo truda / pod red. L. I. Brodkina, P. Gregori, O.V. Hlevnyuka – M. 2008. – 320 s.
6. *Zemskov V.N.* Arhipelag GULAG glazami pisatelya i statistika // Argumentyi i faktyi. – 1989. – № 4. – S. 6-7.
7. *Zemskov V.N.* GULAG (Istoriko-sotsiologicheskii aspekt) // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1991. – № 6. – S. 7-9.
8. Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: sobranie dokumentov v 7 tomah. T. 3. Ekonomika GULAGa / Otv. red. i sost. O. V. Hlevnyuk. – M.:ROSSPEN, 2004. – 624 s.
9. *Lyutov N.L., Morozov P.E.* Mezhdunarodnoe trudovoe pravo / N.L. Lyutov, P.E. Morozov – M.: Prospekt, 2011. – 216 s.
10. Ob utverzhdenii Ispravitelno-trudovogo kodeksa RSFSR: postanova VTsVK ta RNK RSFSR vld 1 serpnia 1933 r. // Rossiya XX vek: dokumentyi. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey) 1917-1960. (sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov). – M.: MFD, 2000. – S. 73-93.
11. Rozhdenie GULAGa: diskussii v verhnih eshelonah vlasti // Istoricheskiy arhiv – 1997. – № 4. – S. 142-156.
12. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatelstva SSSR i RSFSR, 1917 – 1952 gg. / Pod red. I.T. Golyakova. – M.: Gosyurizdat, 1953. – 463 s.
13. Cobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva. Sbornik dekretov 1917-1918 gg. – M.: Gosizdat, 1920. – 412 s.

14. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «Ob otmene uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya dlya osuzhdennyih, otbyivayuschih nakazanie v ITL NKVD SSSR» / Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: sobranie sochineniy v 7 tomah. T. 4. Naselenie GULAGa: chislennost i usloviya soderzhaniya // Otv. red. A. B. Bezborodov, V. M. Hrustalev, sost. I. V. Bezborodova. – M.: ROSSPEN, 2004. – 541 s.
15. *Fuko Mishel. Nadzirat i nakazyivat. Rozhdenie tyurmyi* / M. Fuko – M., 1999. – 510 s.

Пакліна Є.В.

Роль таборів Гулагу в розвитку економіки СРСР у 1930-х – 1940-х рр.

Каральна система, яка в СРСР почала оформлятися на початку 1920-х рр. у вигляді виправно-трудоу таборів, з часом перетворилася на потужний табірно-промисловий комплекс, який відігравав ведучу роль в економічному житті країни. Тому ГУЛАГ необхідно розглядати як багатогранний соціально-економічний об'єкт, а не лише як інструмент здійснення каральної політики.

Основні нормативно-правові принципи виробничої діяльності таборів ГУЛАГу були закладені у 1920-х – 1930-х рр. З початку 1930-х рр. праця ув'язнених стала одним з провідних факторів розвитку радянської економіки. Головним завданням економічної діяльності таборів ГУЛАГу стало опанування віддалених регіонів країни.

Перерахувати все, що виробляв ГУЛАГ практично неможливо. До 1940 р. табірна економіка охоплювала 20 галузей народного господарства, серед яких головними були кольорова металургія (32,1% від всієї товарної продукції ГУЛАГу), лісоексплуатація (16,3%) та паливна промисловість (4,5%). Окрім промислового виробництва, важливим елементом табірної економіки було капітальне будівництво.

Вцілому, перетворення НКВС в одне із найефективніших господарських відомств та активне використання праці в'язнів в СРСР у 1930-х-1940-х рр. можна розглядати як одну із рис сталінсько-радянської соціально-економічної моделі.

Метою публікації є висвітлення питання ролі праці в'язнів у розвитку радянської економіки у 1930-х-1940-х рр. На основі об'єктивного аналізу історичних джерел та літературу в статті аналізуються інституціональні основи організації системи примусової праці в СРСР. Встановлено, що у 1930-х – 1940-х рр. структура НКВС та ГУЛАГу перетворились на одне з найбільш ефективних господарських відомств.

Ключові слова: табір, табірний пункт, примусова праця, табірно-промисловий комплекс.

Paklina E. V.

The role of the GULAG camps in the development of the Soviet economy in the 1930s – 1940s years of XX century.

The penal system which in the USSR has started to be made out in the early twenties in the form of labour camps, has turned in due course to a powerful camp-industrial complex which played the leading part in economic life of the country. Therefore the Gulag is necessary for considering as many-sided social and economic object, and not just as the tool of realisation of a penal policy.

From the beginning of 1930th work of prisoners became one of leading factors of development of the Soviet economy. Development of the remote regions of the country became the main task of economic activities of camps of a Gulag.

List everything produced Gulag almost impossible. Till 1940 the camp economy covered 20 branches of a national economy among which the main things were non-ferrous metals (32,1 % of all commodity output of a Gulag), forest exploitation (16,3 %) and fuel industry (4,5%). Except industrial production, capital construction was an important element of camp economy.

In general, transformation of People's Commissariat of Internal Affairs into one of the most effective economic departments and active use of work of prisoners into the USSR in 1930-h-1940th can be considered as one of lines of the Soviet social and economic model.

The publication purpose is illumination of a question on a role of work of prisoners in development of the Soviet economy in 1930-h-1940th. On the basis of the objective analysis of historical sources and the literature in article institutional bases of the organisation of system of forced labour in the USSR. Found out, that in 1930 - 1940th People's Commissariat of Internal Affairs and Gulag have turned to one of the most effective economic departments.

Keywords: camp, camp point, forced labor, camp-industrial complex.

УДК 94(477)“1946”:314.745.4(47+57)

А.С. Андрєєв

ІДЕОЛОГІЧНА ТА АГІТАЦІЙНО-ПРОПАГАНДИСТСЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ РАДЯНСЬКИХ ОРГАНІВ РЕПАТРІАЦІЇ СЕРЕД «ПЕРЕМІЩЕНИХ ОСІБ» УКРАЇНСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОСТІ, ЩО ПОВЕРТАЛИСЯ З ФРАНЦІЇ У 1946 Р.

У запропонованому дослідженні автор порушує питання репатріації окремої групи репатріантів з Франції у 1946 році, у якому показано усі різновидності форм і методів агітації та пропаганди, специфічні особливості ідеологічної обробки «французьких репатріантів», а також

показано певні зміни в ідеологічній стратегії керівників репатріаційного процесу. Також автор спробував проаналізувати перебіг процесу ідеологічної та агітаційно-пропагандистської роботи серед «переміщених осіб» з Франції у 1946 році. У кінці статті автор робить комплексні узагальнення та формує ряд висновків.

Ключові слова: ідеологічна та агітаційно-пропагандистська робота, репатріація, процес, «переміщені особи», метод, форма.

На завершальному етапі війни та у перші післявоєнні роки радянське керівництво зіштовхнулося з проблемою повернення на батьківщину громадян, які в період війни за певних умов опинилися за межами державного кордону. У науковій літературі ці особи отримали назву репатріанти, а процес – репатріація. Репатріаційний процес проходив у дуже складних умовах голоду, повоєнної розрухи, тотальних злиднів та складної геополітичної ситуації. Ці фактори сьогодні ускладнюють детальний аналіз та розуміння усіх аспектів та особливостей цього процесу. Тож не дивно, що для сучасної науки досить актуальними стають дослідження окремих питань репатріації, які не отримали достатнього висвітлення у наукових працях.